

Моей семье, моим любимым...

Глава 1

Хелен.

Суббота, 31 августа 1935 года

Тысячу раз я представляла себе смерть мужа. Как правило, в этих грезах он гибнет в лодке: море волнуется, дует ветер, Том перевешивается через край, падает в воду, и его уносит сильным течением — голова мелькает в бирюзовом водовороте, лодка качается посреди океана, и вокруг нет ни души, и никто не придет на помощь.

Порой видение приходит ко мне, когда я занимаюсь домашними делами, скажем, развешиваю белье — белые простыни полощутся на ветру, и в воздухе пахнет щелоком, — или когда я жарю рыбу, которую Том ловит, выходя в море на «Хелен». С этим суденышком меня роднят два обстоятельства: имя и тот факт, что дни нашей славы давно миновали.

Бывает, эта греза приходит ко мне во сне, и, вздрогнув, я просыпаюсь, дышу тяжело и прерывисто, в унисон с храпящим рядом мужем, чья волосатая рука давит мне на поясницу, а смердящее джином дыхание обжигает шею.

Сегодня это сон, и, проснувшись, я не чувствую на себе тяжесть его руки: постель пуста, и только вмятина в матрасе на том месте, где лежал мой супруг.

Как я могла проспать?

Я быстро одеваюсь и бегу в ванную, надеясь за оставшееся время привести себя в порядок настолько, насколько это возможно. Именно утренние часы — время до того, как Том уходит в море, а солнце показывает свой лик, — определяют для нас дальнейшее течение дня. Если Том доволен, погода хорошая, рыбы много, а я все делаю как положено, то день будет сносным. Если Том недоволен...

К горлу подкатывает тошнота. Пульсирующая боль в животе отдает в спину, и я вжимаюсь в стену спальни. Малыш пихается, я провожу рукой вниз, чтобы почувствовать, как он шевелится. Последние несколько дней ребенок ведет себя активнее, вертится и пинается — прокладывает себе путь на белый свет, ведь срок уже не за горами.

Тошнота отступает, я выпрямляюсь, и боль проходит так же быстро, как и пришла.

Я выхожу из спальни в большую комнату — она же кухня и гостиная, — где за столом, задвинутым в угол, сидит Том.

Когда девять лет назад после свадьбы Том впервые привел меня сюда, дом казался идеальным местом для начала совместной жизни и создания семьи. Я до блеска оттерла каждый его уголок, и, несмотря на то что мебель была нам не по карману, я бродила по пляжам в поисках любопытных вещиц, брошенных на берегу лодочниками и контрабандистами, которые можно было бы использовать. Обеденный стол, над которым сейчас нависал Том, когда-то был ящиком, в котором, вероят-

но, во времена сухого закона перевозили контрабандный алкоголь.

Место, которое я когда-то прибирала с воодушевлением, окрыленная его возможностями, теперь выглядит как свидетельство краха, постигшего нас. Дом, с которым я связывала столько надежд, оказался еще одним обманутым ожиданием: в полу не хватает досок, снаружи облупилась краска, жилое пространство стало прибежищем всевозможных тварей и паразитов, которые забиваются во все щели, и единственным плюсом осталась близость к морю — до него метров пятнадцать, не больше.

Лодка Тома пришвартована в бухте неподалеку. Когда он в море, домик кажется уютным, надежно защищенным от внешнего мира зарослями мангровых деревьев. Когда он дома, это руки, смыкающиеся у меня на горле.

— Шторм идет, — раскатисто произносит Том, сидя ко мне спиной. Из-за ребенка моя походка стала тяжелее обычной и извещает о моем приближении прежде, чем я успеваю настроиться на контакт. Его стул стоит так, чтобы он мог обозреть с него океан за окном. Для рыбака погода — это все.

— На Багамах ливень, — добавляет он хриплым со сна голосом, в котором слышится та самая неопишуемая интонация, которая все росла с годами нашего брака. — В конце концов он сюда доберется.

В Томе меня привлекла эта его любовь к морю — капли воды на коже, привкус соли на губах при поцелуях украдкой, ветер в волосах и, когда он уходил на

лодке, — ощущение приключения. Тогда я была моложе: мне было всего пятнадцать, когда мы начали встречаться, шестнадцать — когда поженились, и меня привлекали, казалось, безобидные вещи — его большие ладони, мускулистые загорелые руки, широкие плечи, накачанные тасканием коробок и ящиков с сомнительным содержимым. Я думала, что с таким мужчиной буду в безопасности, но это оказалось еще одним обманутым ожиданием.

— Погода испортится? — спрашиваю я.

В нашем захолустье штормов хватает. Да, последнее время не случалось сильных гроз, но когда я была девочкой, по Ки-Уэст ударил страшный ураган. К счастью, обошлось без жертв, однако я до сих пор помню, как задувал ветер, а вода едва не поглотила дом моих родителей. Я была вне себя от ужаса.

— Да похоже, можно не беспокоиться, — отвечает Том. — Бюро погоды считает, как сказали по радио, что он пройдет мимо.

— Ты сегодня выходишь в море? — Я стараюсь говорить ровным голосом. Я уже уяснила, что настойчиво интересоваться тем, куда он пойдет и что будет делать, не стоит. В такие времена мужчина может решиться на что угодно, чтобы добыть пропитание.

Том утвердительно вздыхает.

Я прохожу к столешнице, стараясь ничего не задеть, но мое бедро врезается в плиту, и я спотыкаюсь о ящик со льдом на полу.

В тесном домишке и в тисках семейных уз приноравливаешься использовать физическое пространство в качестве своего рода защиты, обретаешь текучесть

и пластичность, чтобы прогибаться под чужую волю. Но сейчас мое тело изменилось, живот раздулся, ноги стали неуклюжими, и мне пришлось заново осваивать искусство занимать как можно меньше места — для себя и ребенка. Когда вас двое, трудно действовать быстро.

Я ставлю перед Томом завтрак.

Он хватает меня за запястье, сжимая его так, чтобы я поморщилась, но не настолько сильно, чтобы упала на колени. Состояние дома — не единственный показатель характера наших взаимоотношений. У нашего брака есть и другие отметины.

— Зачем тебе знать, пойду ли я сегодня в море? — требовательно спрашивает он.

— Я... испугалась. Если погода плохая, это будет опасно.

Он сжимает сильнее, впиваясь ногтями мне в кожу.

— Хочешь сказать, я плохо знаю море? Да я рыбачил в этих водах еще мальчишкой.

Кровь пульсирует в запястье, кожу обжигает боль, колени подкашиваются под тяжестью живота и из-за стискивающих руку пальцев.

Я цепляюсь другой рукой за край стола, стараясь не упасть.

— Я знаю. Это из-за малыша. Срок подходит, я нервничаю. Извини...

Боль нарастает, я уже не нахожу слов — бормочу что-то несвязное, лишь бы он отпустил меня — нас, — чтобы это не переросло во что-то другое, более ужасное, чем синяки на запястье.

— Женщины, — бормочет себе под нос Том и разжимает руку.

Запястье пульсирует, а он переключает внимание на еду, которую я ему приготовила.

Он впивается зубами в маисовую лепешку, и его ярость мгновенно улечивается.

Он быстро ест, а я, как обычно по утрам, вожусь на кухне и погружаюсь в привычную, как заношенное платье, грезу, но внешние шумы нарушают ее — скрежет вилки по тарелке, звук отодвигаемого стула, тяжелые шаги до двери, и вот я снова остаюсь одна в маленьком домике, стоящем на сваях.

Тяжело ступая по песчаной земле, я иду от дома к ресторану, где работаю официанткой, проходя мимо очереди мужчин, ищущих себе хоть какую-то подработку. Мне повезло, что во времена Великой депрессии у меня есть место у Руби — возможностей для трудоустройства очень мало, особенно для женщин. Но Руби верности не занимать, она поддерживала меня и в хорошие, и в трудные времена.

Будучи «самым южным городом», Ки-Уэст — самый крайний пункт следования, где вы еще можете ступить на землю Соединенных Штатов до того, как ваши ступни коснутся воды. Такая особенность положения привлекает самую разношерстную публику: бродяг, преступников, тех, кому нужно затеряться в толпе, и тех, кому хочется обрести родственную душу, словно здесь, на краю земли, все возможно — по крайней мере, для большинства из нас. Когда-то добраться сюда можно было только на лодке, а сейчас над морем проложена железная дорога, связывающая островки архипелага

Флорида-Кис с материком и Майами, общей протяженностью двести сорок километров, которые поезд преодолевает за несколько часов. Когда десятилетия назад Генри Флаглер, при жизни считавшийся одним из самых богатых людей в стране, заявил о своем амбициозном намерении, его подняли на смех. Но Флаглер упорствовал — строительство началось и обеспечило работой коренных кончи вроде моего отца, а также людей, приезжавших на архипелаг в поисках заработка, которые голыми руками укладывали рельсы Морской железной дороги.

«Эта дорога — одно из величайших человеческих творений, — говаривал мой отец. — Ты только представь, каково это — лететь над океаном в такой большой машине».

Мне не хватало воображения.

Что за люди мечтали возводить дороги над океаном? И что за люди по ним ездили?

Папа говорил, что в мире есть два типа людей: те, кто строит своими руками, и те, кто пользуется результатами их труда. Но потом случилась Великая депрессия и всех уравнила.

Когда-то давно, до моего рождения, Ки-Уэст был самым большим и богатым городом во Флориде. Но еще до того, как остальная страна почувствовала на себе последствия биржевого краха 1929 года, штат переживал кризис. Деньги и кредиты таяли, урожай цитрусовых был под угрозой. Сейчас люди остались без работы, в голоде и отчаянии, город оказался банкротом, воцарилась неразбериха, тысячи и тысячи отправляются на север в надежде на лучшую жизнь.

Федеральное правительство оказывает помощь. К примеру, для строительства нового шоссе, соединяющего острова Грасси-Ки и Лоуэр-Мэткемб, к нам направили солдат Первой мировой войны. Думается мне, все это, конечно, лучше, чем ничего, но все еще недостаточно.

На пересечении Трумбо-роуд и Кэролайн-стрит почти каждый день вот уже на протяжении последних девяти лет я прохожу мимо вокзала, за которым располагаются новые доки. «Паромная компания восточного побережья Флориды» совершает ежедневные рейсы до Гаваны на Кубе и обратно. Вагоны загружают на судно и вместе с пассажирами переправляют по морю. Несколько дней железнодорожного путешествия и несколько часов морского осуществляют мечту Флаглера о том, чтобы соединить Нью-Йорк с Гаваной.

Знакомая потрепанная вывеска попадает на глаза, когда я добираюсь до автостоянки возле ресторана Руби.

Близость к вокзалу и паромной пристани манит приезжих, а местных привлекает возможность поглазеть на прибывших и наесться по сходной цене. У Руби все почти идеально, и это видно сразу — обстановка простая, а порции большие. Это такое место, где с порога ясно, куда ты попал, — тут хорошо кормят, а атмосфера — дело десятое.

До середины дня поток посетителей не ослабевает, я перемещаюсь между столиками, спина все время ноет, ребенок давит на позвоночник. Когда выдается свободная минутка, я стою в служебном помещении, приwallившись спиной к стене, чтобы уменьшить давление.

От запахов из кухни меня мутит, но главная проблема на этом сроке — снизить нагрузку на ноги, остальное почти неважно.

Громко звякает колокольчик — входная дверь с треском открывается, хлипкой деревянной конструкции не под силу тягаться со здоровенным мужиком, который держится за ручку. Головы поворачиваются, шум заглушает звуки кухни и голоса посетителей. Здоровяк, слегка покраснев, протискивается в дверь и аккуратно притворяет ее за собой.

Я наперед знаю, чей столик он займет. Последние несколько месяцев он регулярно объявляется в ресторане, правда, сидит в углу и держится особняком. Мне известно только то, что его зовут Джон, но и это он сообщил с большой неохотой.

— А вот и твой любимый посетитель, — подмигивает мне из кухни Руби, вытирая руки о фартук. Таких работодателей, как она и ее муж, еще поискать. Учтивая, какие сейчас трудные времена, они платят хорошо и имеют привычку присматривать за персоналом из кухни. Если посетитель ведет себя слишком развязно или буйно, Руби и Макс всегда готовы вмешаться. Общительной ее не назовешь, она предпочитает заниматься стряпней, а приветливость и услужливость оставлять официанткам, нам с Сэнди, однако за эти годы она стала мне больше чем просто начальником — пожалуй, ее можно назвать подругой.

— Должно быть, была получка — в эти выходные народ валом валит. Он, судя по виду, проголодался, — добавляет она.